

RU

Мир удмуртской женщины в лирике Ашалчи Оки

Федорова Л. П., Шибанов В. Л.

Аннотация. Цель исследования - охарактеризовать эмоциональный тон лирики удмуртской поэтессы Ашалчи Оки (Акилины Григорьевны Векшиной, 1898-1973). В сборнике стихов «Сюрес дурын» («У дороги», 1925) Ашалчи Оки достаточно полно раскрыла особенности мировосприятия удмуртской женщины, осознавшей свою идентичность в 1920-е годы. Научная новизна статьи связана с тем, что стихотворения Ашалчи Оки впервые рассматриваются с точки зрения категории «эмоциональный тон», подробно описанной Б. О. Корманом. В стихах Ашалчи Оки проявляется женский взгляд на меняющийся мир. В результате исследования выявлено, что героиня ее стихов стремится вписаться в новую жизнь, ощущает свободу, но свободной еще не является. Внутренний мир женщины составляют три ипостаси: настроение - сердце - душа, каждая из которых по-разному раскрывается в том или ином стихотворении. Понятие судьбы (рока, доли) у Ашалчи Оки менее всего связано с божественным провидением или астрологическими знаками, на первый план выходят ассоциации «судьба как связь», «судьба как суд», «судьба как пути» в их реалистических значениях.

EN

The World of an Udmurt Woman in the Lyric Poetry of Ashalchi Oki

Fedorova L. P., Shibanov V. L.

Abstract. The purpose of the study is to characterise the emotional mood of the lyric poetry of the Udmurt poetess Ashalchi Oki (Akilina Grigorievna Vekshina, 1898-1973). In her book of poems «Сюрес дурын» (“By the Road”, 1925), Ashalchi Oki in a fairly complete manner sheds light on the world perception of an Udmurt woman who realised her own identity in the 1920s. Scientific novelty of the paper lies in the fact that this is the first time that Ashalchi Oki’s poems are considered in the light of the “emotional mood” category elaborated by B. O. Korman. A specific female view of the changing world is manifested in Ashalchi Oki’s poems. As a result of the study, it has been found that the female persona of Ashalchi Oki’s poems strives to fit into a new life, feels the freedom, but is not yet free. The inner world of a woman is divided into three categories: mood - heart - soul, each of which is revealed in different ways in a particular work. The concept of “fate” in Ashalchi Oki’s writings is less related to divine providence or astrological signs, the predominant connotations are “fate as a connection”, “fate as justice”, “fate as fetters” in their realistic meanings.

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения поэтического мира Ашалчи Оки в контексте удмуртской женской лирики XX – начала XXI века, поскольку в национальной литературе в последние годы наблюдается «женский ренессанс». Новые художественные явления сложно оценить без научного осмысления творчества первых удмуртских поэтов, стоявших у истоков формирования литературы.

Для определения эмоционального тона лирики Ашалчи Оки как проявления женского взгляда на мир необходимо решить следующие задачи: 1) охарактеризовать противоречивость внутреннего мира героини на идейно-тематическом уровне с учетом специфики исторической эпохи; 2) определить, какое отношение к действительности стоит за основным эмоциональным тоном стихотворений; 3) проанализировать значение понятия судьбы в стихах Ашалчи Оки. В центре внимания – сборник стихов Ашалчи Оки «Сюрес дурын» («У дороги»), включающий тридцать шесть стихотворений. В исследовании использованы структурно-описательный, сравнительно-типологический методы анализа произведения.

Теоретической базой является положение об эмоциональном тоне, изложенное в трудах Б. О. Кормана. Эмоциональный тон позволяет в многообразии выраженных в лирике чувств обнаружить некое объединяющее начало: «Порой эти настроения и чувства могут быть весьма несхожими, казаться очень далёкими друг от друга, хотя за ними и стоит сквозное настроение, сверхнастроение – основной эмоциональный тон» (Корман, 1986, с. 64).

Важно его замечание о том, что не следует стремиться «к афористически краткому, в двух-трех словах, определению эмоционального тона» (Корман, 2009, с. 343), так как отношение к действительности проявляется многосторонне и противоречивость природы не отрицает ее цельности. Аспекты эмоционального тона в поэзии Ашальчи Оки, не используя данного термина, раскрывает венгерский ученый Петер Домокош (1993).

Материалами исследования послужили произведения Ашальчи Оки (Мон тодам ваисько (Я вспоминаю). Ижевск: Удмуртия, 1968; О чем поет вотячка / с вотяцкого перевел Кузубай Герд. М., 1928; Сюрес дурын (У дороги). М.: Центриздат, 1925), Анны Ахматовой (Сочинения: в 2-х т. М.: Правда, 1990. Т. 1 / сост., подготовка текста М. М. Кралина).

Практическая значимость исследования заключается в том, что материал статьи может быть использован в теоретических и практических курсах по удмуртской литературе в вузе, а также при создании новой академической «Истории удмуртской литературы».

Основная часть

Поэтический мир Ашальчи Оки прост и сложен одновременно. Почти все ее стихи входят в один сборник «У дороги», являющийся гордостью удмуртской поэзии XX века и ставший библиографической редкостью. «Непростую простоту» стихов Ашальчи стремятся разгадать все новые поколения исследователей. Особый вклад в изучение ее лирики внесли Петер Домокош (1993, с. 249-260), А. А. Ермолаев (1998, с. 7-31), Р. И. Яшина (1984, с. 17-28) и др. Исследователи обращают особое внимание на фольклорную основу поэзии, на образ лирической героини, на место и роль природных образов в стихотворениях. Л. Д. Айтуганова (1984) проанализировала особенности стихосложения, ритмической организации стихов и отметила: «Ввиду органической связи с народной поэзией в ритмической организации стихов Ашальчи Оки огромную роль играют параллелизмы» (с. 38). В широком контексте, в том числе с применением гендерного метода, стихи поэтессы рассматривает Л. П. Федорова (2002; 2014). В частности, она отмечает, что «природное в женщине является преобладающим, этим объясняется постоянство мотивов, образов, тем в лирике Ашальчи Оки» (Федорова, 2002, с. 63). Тем не менее до сих пор не описан эмоциональный тон лирики Ашальчи Оки, без которого трудно определить характер ее поэзии, включая особенности художественного метода; о логической связи понятий «эмоциональный тон» и «творческий метод» убедительно пишет Б. О. Корман (1986, с. 76-77). Часто при изучении эмоционального тона приходится обращаться к культурно-исторической обстановке эпохи, даже к образу читателя того времени (Корман, 2006, с. 449-451).

В период своего поэтического расцвета в 1918-1925 гг. Ашальчи Оки попала в благоприятную культурно-литературную среду, на ее поэтические и прозаические опыты повлиял родной брат Айво Иви, известный удмуртский поэт и прозаик. Неоценимую помощь оказал поэт Кузубай Герд, организовавший издание книги стихов Ашальчи Оки «Сюрес дурын» («У дороги», 1925), причем как раз накануне выхода резолюции ЦК РКП (б) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы». Герд организовал поддержку этой книги первыми лицами Удмуртской области, приехавшими в Москву на сессию ВЦИК. Гердом же был подготовлен и издан сборник Ашальчи Оки на русском языке «О чем поёт вотячка» (Ашальчи, 1928) с целью морально поддержать поэтессу, решившую совсем уйти из литературы и посвятить себя медицине. После реабилитации в 1956 г. А. Г. Векшина снова вернулась в литературу как автор рассказов для детей, но стихов уже больше не писала.

Для многих удмуртских исследователей, обращавшихся к творчеству Ашальчи Оки, камнем преткновения становились «тёмные пятна» в биографии поэтессы, так как она даже после реабилитации ничего не рассказывала о своем поэтическом прошлом, особенно о подробностях ее ареста в 1933 и 1937 годах. В начале 1990-х годов Н. С. Кузнецов (1994, с. 62-65) частично восполнил этот пробел: из многостраничных следственных документов он обнаружил некоторые высказывания подследственной А. Г. Векшиной, а основной материал о ней почерпнул из показаний К. Герда.

Для определения специфики лирики Ашальчи Оки важной является характеристика ее поэзии общественным деятелем Трокаем Борисовым, данная им еще в 1925 году в предисловии к сборнику «Сюрес дурын». Не соглашаясь с распространенным в то время мнением о том, что якобы стихи Ашальчи не отвечают политическим требованиям (Кузнецов, 1994, с. 61), удмуртский политик пишет: «Этой женщине, чтобы двинуться вперед, осталось сделать лишь один шаг. Как только сделает этот шаг, она отправится по очень просторной, ведущей в новую светлую жизнь дороге» (Борисов, 1925, с. 70). Трокай Борисов не конкретизирует, о каком «шаге» идет речь, но в контексте литературной жизни 1920-х годов было очевидно: лирическая героиня должна открыто заявить, что теперь после революции она стала счастливой, а к классовым врагам – непримиримой. Т. Борисов уверяет читателей и своих оппонентов, что в будущем поэтесса обязательно учтет эти замечания, а сейчас книгу можно издать и в таком виде, каком она представлена.

Но Ашальчи Оки не сделала этого «шага». Возможно, попыталась, но не смогла «наступить на горло своей песне». Считается, что Ашальчи Оки отключилась от творчества в 1930 году после съезда ВУАРП, на котором жесткой идеологической критике подверглись Кузубай Герд и его единомышленники. Н. С. Кузнецов (1994), ссылаясь на следственные документы по делу СОФИН, отмечает: «Литературное дело Ашальчи оставила в момент, когда шабаш всеобщей коллективизации и борьбы с кулачеством принял в стране особенно жесткий и непримиримый характер» (с. 64). Но все же нельзя сбрасывать со счетов и 1925 год, так как издание книги в столице

не вдохновило ее написание новых стихотворений, хотя поэтесса заявляла: «Больше чем незрелых ягод малины в лесу, / В сердце у меня стихов, которые мне предстоит написать» (Ашальчи, 1968, с. 57). Общероссийская литературная ситуация после известной резолюции ЦК РКП (б) убедила Ашальчи Оки, что ее поэзия теперь фактически не востребована. Похороны Сергея Есенина в декабре 1925 г., на которых присутствовала удмуртская поэтесса, загасили, возможно, последние искорки ее надежды.

На фоне удмуртских послереволюционных стихов Ашальчи Оки явно выглядела «пессимистичной». Распространенные мифологемы эпохи (весеннее пробуждение, восходящее солнце, цветущий сад и др.) в ее стихах практически отсутствуют. Например, в ее стихотворении «Эмезь кисьман вакытэ» («Когда созревает малина») образ «солнца» не имеет идейно-мифологизированного значения (Васильев, Шибанов, 1997, с. 40–41), а ассоциируется с поэтическим вдохновением (здесь и далее подстрочные переводы сделаны авторами статьи. – Л. Ф., В. Ш.):

«Нюлэскын кисьмано эмезьлэсь но уно
Мынам вань на сюлмам гожтоно кылбуръёс...
– Ку медам жужалоз бен мынам шундые?» (Ашальчи, 1925, с. 48). /
«Больше, чем незрелых ягод малины в лесу,
В сердце у меня стихов, которые мне предстоит написать.
– Когда же взойдет мое солнце?».

Встречается и образ врага («*тушмон*»), но по своему значению он далек от врага классового. В стихотворении «Дай руку!» лирическое «мы» от имени женщин обращается к собирательному образу мужчины («ты» в единственном числе) и заявляет, каким он должен быть, чтобы его уважали современные женщины и не считали его «врагом».

Лирическая героиня не может сказать, что она счастливая («*шудо*»); пессимистическое настроение характерно для многих стихотворений:

«Гурезь улысь Чылкыт ошмес – Уно бёрдэм Синвуосы!» (Ашальчи, 1925, с. 10).	«Под горой Чистый родник – Много выплаканые Слёзы мои!»
--	--

«Сюлмы бёрдэ, сюлмы кырза, Крезь си кадь со дырекья... Яратонэ өз ке басьты, Кольы излы мед пёрмоз, Камлэн пьдсаз мед выёз» (Ашальчи, 1925, с. 43).	«Сердце мое плачет и поёт, Дрожит, как струна гуслей... Если милый не возьмёт, Пусть в камень превратится, Пусть на дно Камы утонет».
--	---

Стихи удмуртской поэтессы не вписывались в стандартные шаблоны своего времени.

В ряде стихотворений Ашальчи Оки ощущается влияние А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова. Русские классики привлекают поэтессу стихами философского и гражданского звучания. Затем в ряд великих учителей войдет Сергей Есенин. Так, стихотворение под названием «Друг сердечный! (По А. С. Пушкину)» написано по мотивам пушкинского стихотворения «Если жизнь тебя обманет...», на что указывается уже в названии. Ашальчи Оки несколько меняет зачин: «Шудэд тонэ алдаз ке...» («Если твое счастье тебя обманет...»), при этом дает понять, что она не стремится к прямому переводу шедевра. Удмуртскую поэтессу привлекает пушкинская «светлая грусть», при осознании которой все жизненные невзгоды начинают восприниматься философски: время меняет угол зрения на прошедшее, и оно становится «милым» («*мусо*»).

В поэзии Ашальчи Оки сталкиваются две культуры – фольклорная и собственно литературная, взаимно проникающие друг в друга. Автор словно хочет читателю сказать одно, но тексты поэта говорят сами за себя и зачастую больше, чем задумано автором. Этот вопрос в числе первых подняла Р. И. Яшина, обратившись к теории автора Б. О. Кормана. Удмуртский литературовед стремился исследовать стихи как своеобразную лирическую систему, учитывая субъектные и внесубъектные формы выражения авторского сознания. Р. И. Яшина (1984) использует понятия «ролевого» стихотворения, чувства социальности (термины Б. О. Кормана, характеризующие реализм в лирике), она часто говорит о противоречивости как черте социальной психологии. Исследователь пишет: «В лирической системе Ашальчи Оки мы не обнаруживаем индивидуальных стилевых черт в обрисовке образов, индивидуальных особенностей в выражении авторских философских взглядов. Ашальчи Оки лишь облекает в стройную литературную форму образы, навеянные фольклором, овладевает его поэтикой. В ее стихах обобщаются нравственные и эстетические взгляды самого народа, от которого автор, как мы отмечали выше, не отделяет себя» (с. 26).

О противоречивости внутреннего мира героини Ашальчи Оки, о ее постоянной изменчивости пишут буквально все исследователи. В ее стихах, как отмечает венгерский исследователь Петер Домокош (1993), любовь отражена «как счастье, ожидание, разочарование, пробуждение чувств, стеснительность – одним словом, любовь с ее изменчивостью, красочностью, психологическими переливами» (с. 253). Психологизм и реализм взаимосвязаны друг с другом, изменения во внутреннем мире обусловлены конкретными социальными ситуациями. «Текучим» является не только «я», но и образ «ты», чаще всего характеризующий возлюбленного:

«Кыльд шуэ – яратысько,
Синмыд шуэ – өрекчасько...
Визьмы оске сингьёсыдлы,
Сюлмы оске кыльёсыдлы»
(Ашальчи, 1925, с. 34).

«Твой язык говорит – люблю,
Глаза говорят – обманываю...
Мой разум верит твоим глазам,
А сердце верит твоим словам».

Важно то, что противоречивость заложена в героине изначально, в структуре ее внутреннего мира наблюдается несколько параллельных миров и уровней, по-своему реагирующих на импульсы окружающей действительности:

«Лулы мынам
Возь выл бубли ке но –
Марлы меда
Бурдыз сёсырмылэм?
Сюлмы мынам
Чебер кырезь ке но –
Марлы меда
Сиез тйяськылэм?
Мылкыд мынам
Зарни манет ке но –
Марлы меда, марлы меда
Жилы борды со дурылэм?»
(Ашальчи, 1925, с. 22).

«Хотя моя душа
Словно луговая бабочка –
Зачем у нее
Поранены крылья?
Хотя мое сердце
Словно красивые гусли –
Зачем у них
Оборваны струны?
Хотя мое настроение
Словно золотая монета, –
Зачем она, зачем же она
Закована цепями?»

Как видно, внутренний мир лирической героини вмещает в себя три субстанции: *лул* (душа) – *сюлэм* (сердце) – *мылкыд* (настроение). Настроение молодой женщины обычно выражено на лице, в эмоциях и внешних реакциях. При этом лицо и эмоции могут часто скрывать то, что творится глубоко в сердце, в интимной сфере. Но существует еще третья субстанция – душа, тайник природно-божественного начала в человеке, характеризующая его сущность. Такая интерпретация духовно-душевного триединства дает ключ к более глубокому пониманию ряда стихов Ашальчи Оки.

В стихотворении «Два письма» лирическая героиня пишет два письма, одно – подруге, другое – скрываемому персонажу: «...уг, уг вера, кинлы» («...нет, не скажу, кому»). Можно предположить, что героиня пишет об одном и том же (не случайно в стихотворении используется прием параллелизма), но разным адресатам. Если в письме к подруге мысли излагаются открыто, то во втором случае мысли прячутся «между строк». В первом письме мысли диктует «*мылкыд*» (настроение), во втором – «*сюлэм*» (сердце). Эти две стороны одного и того же «я» являются двумя противоположными сторонами одной души («*лул*»), для понимания сущности которой необходимо учесть и первое, и второе письмо одновременно. «Одно письмо я писала / Ясными глазами. / А второе письмо / Залила слезами» (Ашальчи, 1968, с. 55).

Несмотря на различные эмоциональные состояния, выражаемые в стихах Ашальчи Оки, как увидим ниже, налицо объединяющее начало, позволяющее говорить о цельности натуры лирической героини. Разговор об эмоциональном тоне требует учета самых разных по содержанию и проблематике стихотворений, составляющих целостную систему, каждый текст является проявлением какого-то качества личности, при этом в единстве предстает перед нами один единый «характер» (Корман, 1986, с. 72-73).

Лирическая героиня Ашальчи Оки может показаться излишне робкой и застенчивой (стихотворение «Застенчивость»), но может смело возразить городскому парню:

«Бен мёздем-а куке
Тюрагай кырёсын?
Чорыгед но куке
Бен мёзме-а вуын?»
(Ашальчи, 1925, с. 52).

«А разве скучает когда-то
Жаворонок на просторе?
И рыба когда-то
Разве тоскует в воде?»

Лирическая героиня может не принимать город («В этом большом городе»), характеризуя его как «*жюкыт*» («угнетающе-тесный»), но в то же время в городском театре чувствует себя вполне свободно и весело («В театре»). То кажется, что она в плену фольклорных представлений о мире («У дороги»), и в то же время заявляет о своих человеческих правах и требует уважения («Дай руку!»). Она то наивно-простая («Вишня цветет...»), то утонченно-опытная в любовных отношениях («Может, меня и любишь...»). Ашальчи выражает глубокую симпатию к А. С. Пушкину, Н. А. Некрасову, Г. Гейне, но при разговоре о том, для чего она пишет стихи и что такое поэзия (стихотворение «Ты спросил у меня»), явно забывает своих кумиров и вместо ответа сама задает встречные вопросы, так как «творчество – это не самовыражение, а естественный способ слияния с мирозданием» (Васильев, Серова, Федорова, 2014, с. 499).

Перед нами не разные герои или отличающиеся друг от друга личности, а один и тот же человек, одна и та же героиня. Благодаря основному эмоциональному тону сложный характер человека в художественном произведении (в той мере, как его может изобразить лирика) не распадается на части, вместо черно-белой и положительно-отрицательной шкалы ценностей возникает многоцветный диапазон характеристик и оценок, широкая гамма нравственно-психологических сторон одного человека, обладающего определенным миропониманием.

Один из важных концептов в лирике Ашальчи Оки – *судьба* – ядро национального и индивидуального сознания удмуртки эпохи 1920-х годов – имеет социально-психологическую мотивировку. Человек может по-разному воспринимать стечение обстоятельств, не зависящих от его воли. Он может полагаться на ход влияния высших божественных сил, может попытаться предвидеть свое будущее (например, гаданиями), может искать контакты с потусторонним миром и т.д. Исследование творчества Ашальчи Оки в контексте поэзии Серебряного века русской литературы, особенно в контексте поэзии Анны Ахматовой, открывает перспективы в изучении нравственно-эстетической категории судьбы в ее поэзии.

В отличие от Анны Ахматовой, которую многие критики считают одной из самых «христианнейших поэтов», Ашальчи Оки в своих стихах практически не выражает свою религиозность. В текстах не обнаруживаются симпатии ни к православию, ни к языческим верованиям. Если в поэтических текстах ее современника Кузуба Герда слово Бог (*Инар*) в самых разных значениях встречается более тридцати раз, то у Ашальчи Оки – ни разу. Примечательно лишь стихотворение «Иногда...», в котором возлюбленный сравнивается с образами «*кылдысин*» и «*ведйн*», отдаленно указывающими на религиозные верования удмуртов:

«Куддыръя тон туж жеч, Куддыръя тон туж лек, Куддыръя – кылдысин, Куддыръя тон ведйн» (Ашальчи, 1925, с. 37).	«Иногда ты очень милый, Иногда ты очень злой, Иногда – ангел, Иногда – ведун».
---	---

Здесь лирическая героиня изображает противоречивый характер своего возлюбленного, который может быть добрым и милым (метафорически «*кылдысин*»), а иногда суровым и злым (метафорически «*ведйн*). Религиозного смирения перед судьбой в тексте не выражено. Современные исследователи отмечают, что лирическая героиня Ашальчи Оки в ряде случаев желает «слиться с природой, жить по ее законам», но это свидетельствует лишь «о наличии рудиментов языческого сознания, народных верований и представлений, уходящих корнями едва ли не в племенной тотемизм» (Васильев, Серова, Федорова, 2014, с. 497).

Анна Ахматова (1990) при актуализации судьбы (доли, рока) обращается к астрологическим знакам: «Под какими же звездными знаками / Мы на горе себе рождены?» (с. 231), апокалипсическому образу Страшного суда: «Светает – это Страшный суд / И встреча горестной разлуки» (с. 302), героиня иногда гадает («О нем гадала я в канун Крещения» (с. 29)) и др. Роковая реальность и Воля Божия тайным образом переплетаются в стихах Анны Ахматовой, и ее лирическая героиня по-своему принимает выпавшую на нее долю. Героиня тянется к божественному началу, которое реальная действительность и социальная ситуация стремятся уничтожить.

Ашальчи Оки идет немного другим путем. В удмуртских верованиях большое место занимает жанр «куриськон», или языческая молитва, обращенная к высшим силам. Но Ашальчи Оки не использует эту традиционную форму. Знаками судьбы, требующими расшифровки, могли бы служить символы звезд (*кизили*) и солнца (*шунды*) и др., но и они у удмуртской поэтессы не указывают на будущие знаменья, далеки по значению от астрологических знаков судьбы.

Тем не менее, героиня Ашальчи подвластна судьбе. Молодая удмуртка вписывается в новую жизнь, ощущает свободу, но свободной еще не является. Судьба дает о себе знать в значениях «судьба как связь» (связывание, сковывание, опутывание), «судьба как пути» и «судьба как суд» (не только суд со стороны, но и самоосуждение).

Как бы молодая героиня ни тянулась к воле, судьба перед ней ставит препятствия. Так, в выше процитированном стихотворении «*Душа моя...*» примечателен такой ряд образов: «поранены крылья», «оборваны струны», «закована цепями» (Ашальчи, 1925, с. 22). Речь идет не о материально-предметном мире, а о мире внутреннем, душевном и духовном. Не какая-то посторонняя сила мешает и вредит человеку, а сам человек, глубоко осознающий свои чувства и внутренние импульсы, выявляет их и представляет на суд.

Заменителем понятия «судьбы» в стихах Ашальчи, как и многих женщин-поэтов, является образ мужчины в форме «ты», вмещающий в себя, кроме этого, еще множество других смыслов. «Ты» – не только возлюбленный человек, но и символ мужественности, божественности, родины, той силы, которая призвана упорядочить стихийный ход жизненных обстоятельств:

«Тон – мынам шундые, Тон – мынам тулкыме, Тон – мынам учёе, Тон – мынам сяськае» (Ашальчи, 1925, с. 36).	«Ты – моё солнце, Ты – моя волна, Ты – мой соловей, Ты – мой цветок».
--	--

Несмотря на драматизм и сложность, противоречивое восприятие действительности и преобладание пессимистических настроений в стихах, для Ашальчи Оки 1918-1925 годы не стали роковыми, поэтесса не показывает мир жестоким, злым, враждебным.

И все же интуиция подсказывает ей, что необходимо отречься от поэзии и полностью переключиться на медицину. А могла ли она совмещать в себе врача и писателя? – задается вопросом А. А. Ермолаев (1998) и отвечает: «Лина Григорьевна не приняла это “и – и”, осталась при своем “или – или”. Как мы уже подчеркивали, выбор был вынужденным. Такова судьба первой удмуртской поэтессы» (с. 30). С этой мыслью нельзя не согласиться.

Заключение

Лирика удмуртской поэтессы Ашалчи Оки разнообразна по тематике, но все ее стихотворения проникнуты общим, «сквозным чувством» (Б. О. Корман). Противоречивость внутреннего мира героини обусловлена актуализацией следующих оппозиций: послеоктябрьская действительность и традиционный патриархальный мир, урбанизированная среда и мир природы, женское и мужское начала. В свою очередь, внутренний мир женщины состоит из трёх ипостасей: настроение – сердце – душа, каждая из которых по-разному раскрывается в том или ином произведении и говорит о богатой, сложной психологической жизни героини. В противоречивости внутреннего мира лирической героини выражается ее этническая суть, характерная для удмуртской женщины 1920-х годов.

Отношение к действительности у героини Ашалчи Оки, в отличие от ее современников, во многом пессимистично, она стремится вписаться в новую жизнь, ощущает свободу, но свободной еще не является. При этом образ «ты» воплощает в себе не только образ возлюбленного человека, но и является символом мужественности, родины, природы, той силы, которая упорядочивает ход жизни.

При определении эмоционального тона как «сверхнастроения» (Б. О. Корман) ключевым является у Ашалчи Оки понятие судьбы (рока, доли), имеющей множество значений, но преобладающими являются «судьба как связь», «судьба как пути» и «судьба как суд».

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в сравнительно-типологическом изучении творчества Ашалчи Оки и ее современниц из литератур Урало-Поволжского региона 1920-1930-х годов.

Источники | References

1. Айтуганова Л. Д. Некоторые особенности стиховой организации поэзии Ашалчи Оки // Вопросы истории и поэтики удмуртской литературы и фольклора: сб. ст. Ижевск, 1984.
2. Борисов Т. К. Вместо предисловия // Ашалчи Оки. Сюрес дурын. М.: Центриздат, 1925.
3. Васильев И. Е., Серова М. В., Федорова Л. П. Творчество Ашалчи Оки в контексте художественных поисков литературы России // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная монография. Екатеринбург - Ижевск - Сыктывкар, 2014.
4. Васильев С. Ф., Шибанов В. Л. Под тенью зэрпала (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов). Ижевск, 1997.
5. Домокош П. История удмуртской литературы / пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск, 1993.
6. Ермолаев А. А. Судьба поэта // Ашалчи Оки. Чыртывьесъ = Ожерелье. Ижевск: Удмуртия, 1998.
7. Корман Б. О. Лирика и реализм. Иркутск, 1986.
8. Корман Б. О. Методика вузовского преподавания литературы. Ижевск, 2009.
9. Корман Б. О. Теория литературы: избранные труды. Ижевск, 2006.
10. Кузнецов Н. С. Из мрака... Ижевск, 1994.
11. Федорова Л. П. Женская тема в поэзии Ашалчи Оки и Кузубая Герда // Арекеева С. Т., Зайцева Т. И., Пантелеева В. Г. Движение эпохи - движение литературы. Удмуртская литература XX века. Ижевск, 2002.
12. Федорова Л. П. Текстологический аспект изучения творчества Ашалчи Оки // Многоязычие в образовательном пространстве: сб. ст. / под ред. Т. И. Зелениной, Ж.-Л. Моро, Н. В. Кондратьевой. Ижевск, 2014.
13. Яшина Р. И. О лирической героине поэзии Ашалчи Оки // Вопросы истории и поэтики удмуртской литературы и фольклора: сб. ст. Ижевск, 1984.

Информация об авторах | Author information

RU

Федорова Любовь Петровна¹, к. пед. н., доц.

Шибанов Виктор Леонидович², к. филол. н., доц.

¹ Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

² Удмуртский институт истории, языка и литературы

Удмуртского федерального исследовательского центра

Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск

EN

Fedorova Liubov Petrovna¹, PhD

Shibanov Victor Leonidovich², PhD

¹ Udmurt State University, Izhevsk

² The Udmurt Federal Research Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk

¹ liubov.fedorova@gmail.com, ² shibvik@rambler.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 19.08.2022; опубликовано (published): 10.10.2022.

Ключевые слова (keywords): удмуртская поэзия; Ашалчи Оки; эмоциональный тон; лирическая героиня; Udmurt poetry; Ashalchi Oki; emotional mood; female persona.